АЛТАЙСКИЙ СФИНКС, ИЛИ О ВЫСОТАХ РУССКОГО ДУХА

С Владимиром Мефодьевичем Башуновым я познакомился в начале 1990 годов в редакции журнала «Барнаул». Редакция размещалась в стенах Дома литераторов, в деревянном особняке на улице Анатолия в Барнауле.

Башунов оказался доброжелательным немногословным человеком с военной выправкой. Между собой веселые литераторы звали его «есаулом». Черкасов отзывался на «хорунжего». Меня Башунов стал кликать «полковником».

Я навел справки. Оказалось, что поэт и филолог Владимир Мефодьевич Башунов родился на следующий год после Великой Отечественной войны, когда Красная армия была переименована в Советскую армию.

Незадолго до появления на свет будущего поэта ЦК ВКП(б) принял печально известное постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором критиковалось творчество Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. Судьба как бы намекала будущему поэту Башунову на проблемы, связанные с литературным творчеством. При этом его день рождения совпадает с днем рождения Деда Мороза. Не в этом ли следует искать причины его перехода от космополитизма и атеизма к патриотизму и православию?

По иронии судьбы первое стихотворение русского поэта Башунова было опубликовано в горно-алтайской областной газете «Звезда Алтая».

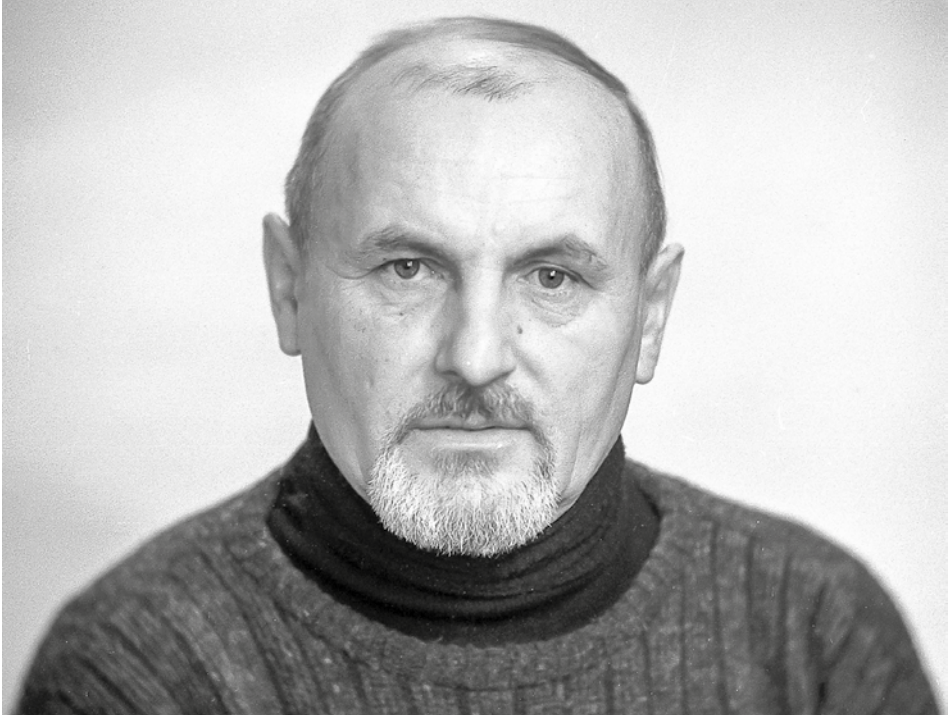
Поэзия Башунова тяготеет к русской коренной традиции, однако сам поэт оставался самобытным. Он представитель «тихой поэзии», когорты «поэтов-деревенщиков». Одни видят в облике поэта Башунова «алтайского сфинкса». Потому, что умел молчать. Другие находят в нем сходство с иконописным ликом Иоанна Златоуста. Потому, что умел говорить.

Владимир Мефодьевич прославился на посту редактора газеты «Прямая речь», которая трубила о высотах русского духа. Такая газета выжить в рыночных условиях не могла.

Однажды ко мне в гости зашел Башунов со своим добрым приятелем Лёшей Хорошиловым. Друзья искали способ внедриться в неизведанную рыночную действительность. Они предложили создать туристическую карту с достопримечательностями Барнаула для розничной продажи.

Мы посоветовались и пригласили в компанию Сашу Родионова. Он должен был сочинить сопроводительную статью. Я согласился сделать графику карты. Башунов брался организовать издание этой карты. Хорошилов — обеспечить ее реализацию.

Компьютеров в то время еще не было. Схему Барнаула на трех листах полупрозрачного пластика для трехцветной печати пришлось рисовать вручную. Это был мой первый и последний опыт градо-полиграфического проектирования. На этой схеме впервые было показано место захоронения невинно репрессированных южнее бывшего Богородице-Казанского женского монастыря.



***Владимир БАШУНОВ** (1946–2005). Фото Бориса Брязгина. Из фондов ГМИЛИКА*

Короче, наша наивная попытка внедриться в рыночную экономику с треском провалилась. Хотя на витрине одного из киосков я видел нашу туристическую схему.

Своему приятелю Хорошилову Башунов посвятил стихи с необычным названием — «Ворон запел». Там есть такие строки:

Понять не понять, обрывочный сон,
морок, виденье, причуда…
Вскрикнешь во сне сквозь пыланье и стон:
Что ты, зачем и откуда?!

Человек становится понятен по тем вопросам, которые он задает. В узком кругу Башунов повторял: «Красота спасет мир. Но кто спасет красоту?» Он был человеком с мятущейся совестью. Поэтому не мог принять современную субкультуру. Мягкая картавинка предательски относила его к дореволюционной интеллигенции. Я вот думаю, саморазвитие формирует сущность личности? Или, наоборот, корень человека определяет его будущую суть?

Некоторое время Мефодьевич работал главным редактором журнала «Алтай». В этом кресле он прославился не только ориентацией на духовные ценности православия, но и человеческой тактичностью.

Досужая публика его спрашивала:

— У вас есть неопубликованное?

— У меня нет неопубликованных стихов, — отвечал поэт. — У меня есть внутренний редактор.

Как-то Башунов добросовестно пытался одолеть рукопись поэта с птичьей

фамилией: не то Ворона, не то Дятел. Промучившись полдня, главный редактор бросил рукопись в корзину, вымыл руки и якобы заявил вслух:

— Как все-таки люди умеют портить жизнь друг другу!

После чего он повесил над входом в кабинет табличку с текстом: «Прошу не хлопать дверью, если ваша рукопись отклонена от публикации».

Свой полувековой юбилей Владимир Мефодьевич встретил в добром здравии и в кругу почитателей своего таланта. По традиции юбилей проводили в краевом театре кукол. «Есаул» принимал поздравления, сидя на сцене в роскошном театральном кресле.

Среди прочих слово для приветствия дали и мне. Я выразился примерно так:

— Что может сделать главный архитектор города для главного редактора журнала? Может лишь увековечить имя юбиляра средствами монументального искусства!

После чего я достал «из кустов» картонный макет мемориальной доски для размещения на Доме писателей. Текст на картоне гласил:

ЗДЕСЬ
иногда жил и
БОРОЛСЯ
с инфляцией
и графоманами
ЗНАМЕНИТЫЙ
ПОЭТ
и редактор
БАШУНОВ
Владимир
Мефодьевич

Белобородому «есаулу» идея понравилась.

В середине 1990 годов один за другим устремились в мир иной наши друзья-поэты. Однажды, пребывая в задумчивости, Мефодьевич продекламировал:

Пришла пора иных законов,
не то что в юности моей?
Всё шире, шире круг знакомых.
Всё уже, уже круг друзей.

Между прочим, Башунов сочинял слова к гимну Алтайского края. Он был патриотом малой родины. Друзья с сомнением качали головами. На что наш герой отвечал примерно так:

— Мужики, разве можно не довериться красивой мысли? Разве можно не пойти за нею, как за красивой женщиной?

Второй раз имя Владимира Мефодьевича прогремело после опубликования его «Размышлений о Пушкине». Он всегда был патриотом России. В своем эссе поэт поделился сокровенным. Он обратил внимание читающей публики на житейско-бытовую сторону поэта, которого все почему-то горят желанием испытать нуждой и страданием. Он так и заявил:

— Прежде испытайте поэта (равно: художника) достатком и счастьем, хоть единожды испытайте…

Третий раз зазвучало его имя, когда он стал дипломантом Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо». Избрание Владимира Башунова членом Российской Академии поэзии в Москве осталось незамеченным широкими слоями барнаульской общественности.

Его призыв: «Давайте жить, как люди» — звучал как глас вопиющего в пустыне. Случайно я узнал, что он награжден памятной медалью Благотворительного фонда «Энциклопедия Серафима Саровского». Тема предопределенности все чаще звучала в разговорах. Тема обреченности — в его стихах:

Я стукну в заветные сенцы —
никто не откроет на стук.
Сужается свет вокруг сердца.
Сужается круг.

Как-то он зашел ко мне с необычной просьбой. Ему понадобились деньги. Я помог. Потом история повторилась. На его лице я увидел печать смерти. Она была мне знакома. Ее я видел на лицах Мерзликина, Озолина и Козодоева. Прощальным посланием стала его книга с говорящим названием «Авось». Надежда умирает последней.

Русского поэта Владимира Мефодьевича Башунова хоронили в жуткий мороз в день рождения Советской армии.

ПОЛУУЛЫБКА БУДДЫ, ИЛИ ЗАЧЕМ БЫТЬ ЧАСТЬЮ ЗЕМЛИ

Впервые с творчеством писателя Евгения Гущина я познакомился, прочтя рассказ «Тень стрекозы». Это произошло в год смерти Василия Шукшина. Или чуть позже. Помнится, я ахнул от удивления. Оказывается, на Алтае живут и работают люди талантом сравнимые с Василием Макаровичем!

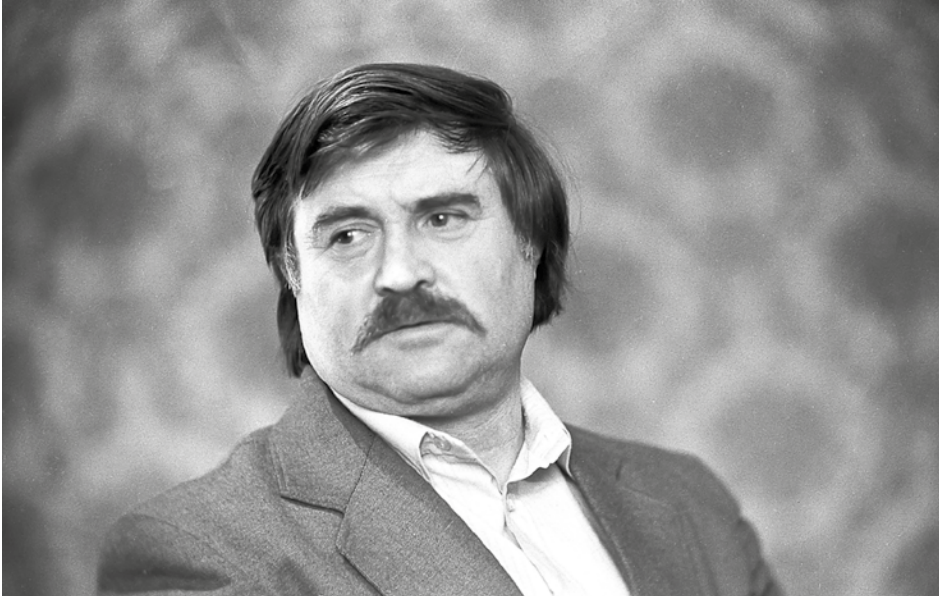
Мои первые опусы были опубликованы в альманахе «Алтай» в конце восьмидесятых годов. Рукописи свои я носил в Дом писателей, что стоял на улице Анатолия, 102. Тот деревянный особняк был выстроен по обмерным чертежам с памятника деревянного зодчества, стоявшего ранее на улице Чехова, 24 в Барнауле.

В том особняке кипела таинственная жизнь. Там находился краевой Союз писателей. Там квартировало бюро пропаганды художественной литературы. Там же размещалась редакция альманаха «Алтай».

Дом писателей был наполнен голосами жизнелюбивого Панова, язвительного Черкасова, строгого маримана Пантюхова, ехидного пересмешника Козодоева, хмурого Казакова, задиристого Родионова и бывшего опера балагура Свинцова. Это волшебное состояние частично нашло отражение в моем раннем рассказе «Мухи творчества».

Но ближе к делу. Редактор альманаха «Алтай» Игорь Михайлович Пантюхов посоветовал мне посетить литературную студию молодых прозаиков при Алтайской краевой организации Союза писателей. Оказалось, что занятия студии ведет писатель Гущин. Тот самый!! Так я познакомился с Евгением Геннадьевичем.

Известный сибирский прозаик Евгений Геннадьевич Гущин прославился своими романами и повестями. По его знаменитым рассказам «Тень стреко-



***Евгений ГУЩИН** (1936–2005). Фото Бориса Брязгина. Из фондов ГМИЛИКА*

зы» и «Красные лисы» сняты игровые фильмы. Кроме того, он работал в жанре проблемной публицистики, занимался литературными переводами. Он лауреат множества премий, награжден медалью Петровской академии наук и искусств «За развитие литературы на Алтае».

На эту студию собирались графоманы со всей округи. Более того, из отдаленных райцентров. Литстудия стала площадкой диспутов о жизни человека под напором цивилизации. Гущин говорил о духовных ценностях русской культуры.

Надо сказать, литстудию посещал народец весьма разношерстный. Как по возрасту, так и по мировоззрению. Приходили юные дарования. Девушки приносили письменные работы о первом любовном опыте. Юноши зачитывали отрывки из детективов из жизни Христа. Пожилые матроны приходили с домашними пирогами. Седовласые ветераны победоносной войны читали вирши о березках и рябинках. Люди без определенного места жительства и рода занятий несли рукописи с жуткими описаниями мест не столь отдаленных. Иногда — глубин космоса. Моему восхищению не было предела.

На занятиях студии Гущин сидел в кругу начинающих литераторов, а не напротив, вопреки моим ожиданиям. Покатые плечи учителя превращали его мощную фигуру в монумент. Было в его образе нечто неуловимо азиатское. На плотном лице блуждала доброжелательная полуулыбка. Как у Будды.

Студийцы вслух читали свои сочинения. Обсуждение шло по кругу. Круг замыкал Гущин. В его речах не было ни сарказма, ни велеречивости. Строго говоря, он не был учителем. Он был участником, точнее, соучастником события. Он радовался крохотным открытиям, совершаемым студийцами.

Однажды мы наслаждались чьим-то повествованием о человеке с сомнительными душевными качествами, который, ко всему прочему, обитал на помойке. Гущин восхитился:

— Помоечное сознание!

Это определение, по его мнению, углубляло понимание причин и следствий разрушения традиционной культуры.

Гущин умел слушать. Иногда мне казалось, что он дремал, погрузившись в искусственный мир автора. Или в свой собственный? Однако он замечал все творящееся вокруг. С высоты своего недосягаемого авторитета он замечания делал по-дружески. Из тех вскользь произнесенных фраз становилось ясно, что ему знакомы тонкости дел в самых неожиданных сферах. Например, в стрелковом вооружении.

Евгений Геннадьевич охотно рассказывал о таежной жизни. Делился опытом охотника-промысловика. При этом радостно внимал чужому опыту. Из-под густых с первой проседью бровей глаза его темнели дульными срезами. Мне казалось, что он обладает звериной интуицией. Его же интересовали движения души чужих персонажей. Видно было, что мэтр с удовольствием учится у своих учеников. В такие минуты со стороны он казался добродушным увальнем. Правда, до тех пор, пока его не раззадорят.

Разбор рукописей всякий раз перерастал в споры о жизни. Точнее — о жизни человека под напором цивилизации. И всякий раз Гущин цеплял тему духовных ценностей русской культуры. После чего разговор неизбежно выворачивался на творчество писателей-сибиряков Астафьева и Распутина. К именам Виктора Петровича и Валентина Григорьевича наш Гущин относился с великим почтением. Хотя по репликам Евгения Геннадьевича выходило, что он с ними был хорошо знаком и общался как с земляками. Более того, как с единомышленниками.

Невольно обнаруживались некие параллели. Если Астафьевым создавались лирические миниатюры с названием «Затеси», то Гущиным сочинялся схожий цикл рассказиков «Орешки». Понятно, что Евгений Геннадьевич сюжеты свои находил в тайге, как кедровые шишки. Потом предлагал читателю «щёлкать» свои миниатюры, как орешки.

Гущин был добр, даже ласков, особенно с женщинами. Хотя на пишущих женщин смотрел, как мне казалось, с сожалением. Правда, их домашними пирогами угощался с удовольствием.

Мне в жизни везло на людей с именем Евгений. Ведь это имя в переводе с древнегреческого — благородный. Гущину это было свойственно. Правда, благородство его было глубоко спрятано, как у всякого интроверта.

Как-то на студийном занятии я прочел свой юмористический рассказик, в котором фигурировал персонаж по имени Жека. Гущин насторожился:

— Жека — это Евгений?

Однажды на литстудии зашел разговор о названиях наших сочинений. Гущин заявил:

— Название книги очень важно. Особенно для начинающих литераторов. Иногда название книги — единственное, что остается в истории от их произведений.

Будучи живым классиком русской литературы, Гущину приходилось частенько посылать за водкой начинающих литераторов. Однажды литератор Пешков вернулся с пустыми руками.

— Молодой человек! — недоуменно сказал наш учитель. — Запомните: так в большую литературу не попадают!

На что литератор Пешков ответил, мол, в ларьке продают плохую водку.

— Молодой человек! — укоризненно сказал все тот же Гущин. — Запомните: водка бывает двух видов — хорошая или очень хорошая!

В те далекие времена о паленой водке никто ничего не знал…

Однажды я оказался у Гущина в гостях. Не помню, по какой причине. То ли приносил ему свои рукописи? То ли он готовил рецензию на мою первую книжку? Помню, что вертел я головой по сторонам. Комнатка Гущина в многоэтажке на Красноармейском проспекте, с печатной машинкой, оказалась наполненной китайскими сувенирами. При том что за несколько лет нашего знакомства он ни разу не обмолвился о знакомстве со страной драконов и фонариков. Покидая гостеприимного хозяина, я уже мог общаться с китайцами. Потому что запомнил одно, но самое главное китайское слово «сесе» — большое спасибо.

Много позже бывший опер балагур Свинцов рассказал, что Гущину довелось поработать в Китае во времена так называемой культурной революции. Там Гущин собирал сведения о происходящих процессах в стане хунвейбинов. Но был разоблачен китайскими чекистами. Так закончилась его карьера разведчика, зато расцвела карьера прозаика. В лучшем смысле этого слова.

Все познается в сравнении. Я думаю, что лишь на своей шкуре ощутив различия культур, можно по-настоящему прирасти душой к родной земле. И стать певцом этой земли. Или даже ее частью. Евгений Гущин это сделал.

ТИХИЙ ШУМОВ, ИЛИ КОГО КОРМИТЬ ТИТЕЮ

Известный советский поэт Владимир Андреевич Сергеев (изначально — Шумов) появился на свет в Чите. Первые годы жизни он провел во дворце своего отца — известного золотопромышленника Сибири. Будущий поэт родился одновременно с известным американским актером Клинтом Иствудом в год, когда была обнаружена девятая планета Солнечной системы — Плутон. Незадолго до появления на свет младенца Шумова в стране был учрежден орден Ленина и застрелился поэт Маяковский. Возможности космического масштаба открывались перед будущими представителями творческих профессий.

В детстве Вовка вместе с отцом маршировал в первомайских колоннах мимо Мавзолея Ленина и мечтал увидеть Сталина.

Первая публикация 22-летнего поэта появилась в журнале «Звезда». Первая книжка Сергеева вышла в Магадане в год объявления борьбы с культом личности Сталина.

Сергеев учился на филфаке ленинградского университета — на болгарском переводческом отделении и отделении журналистики. Студент Сергеев прославился тем, что был замечен и поддержан самим А.Т. Твардовским. Поэтому молодой поэт публиковался в журнале «Новый мир» еще до вступления в Союз писателей!

В Союз писателей Владимир Андреевич Сергеев был принят в 1960 году, когда в Москве был открыт Университет дружбы народов.

Сергеев работал на Крайнем Севере в газетах «Магаданская правда» и «Советская Чукотка». При этом он делал переводы произведений чукотских, эскимосских, якутских, алтайских и немецких поэтов и писателей.

Поэт и пересмешник Сергеев всюду был приятным гостем. Потому, что читал свои юмористические вирши. И влюблял в себя женщин. Однажды седоголового Сергеева спросили:

— Андреич, понравилась ли тебе вчерашняя компания?

— Если бы не я, — скромно просипел поэт, — мне бы там было скучно.

***Владимир СЕРГЕЕВ** (1930–1994). Фото Бориса Брязгина. Из фондов ГМИЛИКА*

Поэт Сергеев запомнился современникам светлым обликом и сиплым голосом. Одни говорили, что он потерял голос от детской простуды. Другие намекали на пагубные свойства магаданской водки. Третьи утверждали, что наш герой надорвал голосовые связки в госпиталях, читая стихи раненым бойцам.

Действительно, у него был тихий голос, но поэт Сергеев тихим не был! Вот его строки:

...Пусть карают высшей мерою,
Пусть клянут во все уста —
Всё равно безумно верую
В неподкупного Христа.

Однажды его спросили:

— Вы верующий?

— Нет. Может, Бог придет ко мне, если я буду того достоин… — ответил поэт.

Сергеев относился к поколению поэтов-шестидесятников. Центральное место в его творчестве занимали стихи о романтике дальних дорог. Он так и писал:

Сапогами мерить Русь
Вновь зовёт дорога.

Его главная тема — поиск истинного отношения между людьми. Известен его акростих «Лагерная ода», посвященный стукачу.

Поэт Сергеев занимал активную гражданскую позицию. Он, например, предлагал устанавливать памятные доски с текстом «Здесь живет почетный бюрократ такой-то». Поэт верил в силу художественного слова.

О себе наш герой говорил с самоуничижением: «Я начисто лишен авторского самолюбия — отбили еще в молодости».

Жизнь в литературе предполагает обязательное общение с графоманами. Оно вдохновило Сергеева на сочинение оратории в пяти частях «Василий Плоскогубцев». В сжатой саркастической форме в ней была изложена история взлета и падения литературного выскочки. Читающая публика самозабвенно напевала строки из той оратории:

Стали мы знаменитей,
Маститее,
Так что вы не кормите
Нас титею!..

Однажды поэт Сергеев был откомандирован на село, чтобы понять, чем город может помочь селу. В результате сложилось стихотворение «Разговор с бригадировой кобылой». То был печальный разговор.

Неизгладимый след в творчестве Владимира Сергеева оставили годы так называемой перестройки. Случилось ему быть в Москве на майские торжества. Опьяненный свободой и гласностью он влился в праздничную колонну и двинулся на Красную площадь. Чужака заметили. Милиционер выдернул гостя столицы — члена Союза писателей СССР — из рядов демонстрантов и сориентировал его в обратном направлении. В результате инцидента наш герой создал непраздничную поэму с праздничным названием «1 мая 1989 года». Поэма та была опубликована в его последней книге стихов и поэм с названием «С глазу на глаз».

Иллюстрации для той книги сделал барнаульский художник Алексей Дрилёв, поместив там графические портреты автора и советских политических лидеров.

Сергеев — дитя своего времени. Более того, проснувшееся дитя. Он пишет:

У меня украли бога,
Кто — не знаю, хоть убей.

Накануне развала СССР наш герой еще разок блеснул тонким юмором и беспощадной сатирой. Он сочинил стихотворное эссе «История государства Российского от Ильича до Ильича».

Современную жизнь поэт Сергеев называл духовным Зазеркальем, перефразируя высказывание премьера Черномырдина. Сергеев был очень политизирован. Он в карман за словом не лез. Он так и говорил:

— Раньше считалось, что ДО революции все было плохо, а все, что ПОСЛЕ, — хорошо. Теперь, наоборот. Такую польку-бабочку я плясать не намерен!

Как-то журналист Тихонов брал интервью у нашего героя:

— Владимир Андреевич, как сейчас живет гражданин Сергеев?

— Отвечаю строчками Некрасова: «Бывали хуже времена, но не было подлей…»

— А каковы ваши отношения с Музой? — наседал любознательный журналист.

— Таковы, словно я кручу с ней любовь не в райском шалаше, а в лопухах и крапиве! — признавался поэт.

На одном из собраний местного Союза писателей Сергеев, между прочим, пробурчал:

— Карамзин охарактеризовал расейскую жизнь одним словом — «воруют». Я бы добавил еще один глагол — «лгут»…

Надо сказать, Сергеев был человеком с обостренным чувством справедливости. Однажды к нему в гости зашел известный поэт Нечунаев и начал жаловаться на судьбу. Сергеев слушал его, слушал и спрашивает:

— А ты когда последний раз делал людям добро?

В голодные годы начала девяностых барнаульские литераторы придумали «Юмо-Рынок» и безвозмездно выступали с юмористической программой перед начитанной публикой. Среди участников «Юмо-Рынка» был и поэт Сергеев. Неизменным успехом у публики пользовалась его стихотворная сатира с рефреном: «стук да бряк, стук да бряк, стук да бряк».

Однажды его спросили:

— Вы богаты?

На что поэт дал развернутый ответ:

— Да. Я обладаю великими благами от Пушкина до Шукшина и от Бетховена до Высоцкого!

ЛУКИЧ, ИЛИ КТО ГОВОРИТ ПРАВДУ

Знаменитый русский поэт Владимир Лукич Казаков родился на Алтае в год официальной победы социализма в СССР. В том году Молотовым и Риббентропом был подписан пакт о ненападении. В том же году в «Воениздате» вышла военно-фантастическая повесть малоизвестного литератора Н. Шпанова «Первый удар», в которой описывается вероломное нападение Германии на СССР. Видимо, по иронии судьбы. Не отсюда ли у поэта Казакова критический взгляд на жизнь и вера в исключительную роль литературы?

Действительную службу старший матрос Владимир Казаков проходил на Балтийском и Черноморском флотах. Как он сам говорил, его качали волны семи морей и трех океанов.

В поэзию Владимир Казаков вошел с темой нравственных поисков послевоенного поколения. Учился в Литературном институте имени А.М. Горького.

В начале восьмидесятых годов прошлого века появился сборник стихов Владимира Семёновича Высоцкого «Нерв». Поэту Владимиру Лукичу Казакову было доверено читать на Алтайском радио стихи его тезки — Высоцкого. Почему ему? То ли потому, что у Казакова был хриплый голос? То ли потому, что поэт Казаков уже имел с в о й голос и с в о й почерк? Во всяком случае, его жизненное кредо звучало так:

Лучше жить на хлебе и воде,
Но свободным и при бороде.

Владимир КАЗАКОВ *(1939–2015). Фото Бориса Брязгина. Из фондов ГМИЛИКА*

Владимир Казаков вошел в историю своими стихами. Как всякий поэт. Ему принадлежат строки:

...Говорят: наша жизнь — не сахар.
Утверждаю: и впрямь, не мёд...

В Союз писателей герой повествования был принят в год правления генсека Андропова, когда был сбит корейский «боинг». Поэт Казаков прославился скандальным характером, точнее, принципиальностью. За что получил прозвище Хмурый, которое могло бы стать псевдонимом, как Горький или Бедный. Но не стало.

Помимо этого, Владимир Лукич обессмертил свое имя яркими аполитичными убеждениями. За что получил еще одно поэтическое имя — Лукич. Которое в советские времена было ироничным синонимом Ильича. Имя то, естественно, поэта на баррикады не привело. Но пламя в топках крейсера бушевало. Не на пустом же месте возникли такие строки:

...Покуда жив, у сердца не спрошу:
Не зря ль так часто кровью обливалось?

Творчество поэта Казакова стало известным благодаря крепкому заряду духовности. И ориентации на культурные ценности православия. Его стихи не для легкого чтива. При этом все знали, что Казаков — человек, который говорит правду. Однажды на собрании Союза писателей наш герой заявил:

— Если мы крадем строчки друг у друга, то чего уж говорить о воровстве у Анны Ахматовой!

В конце прошлого века в Барнауле инициативная группа творческой интеллигенции задумала создать памятник Александру Сергеевичу Пушкину. Эта группа собиралась в моем служебном кабинете. Однажды к нам пришел Владимир Лукич, чтобы почитать свои стихи о Пушкине. И стал их читать. В моей памяти осталась лишь строка: «Чьё имя два столетья на слуху…» и еще что-то про булатный меч. В тот момент нам было не до стихов. Нам не хватало денег и времени. Мы искали способ бесплатно добыть гипс для Миши Кульгачёва, чтобы тот мог сделать обратные формы с глиняной скульптуры Пушкина. В конце концов, Казаков осознал нелепость ситуации и ретировался.

Через полгода мы с Казаковым встретились в Бийске во время Шукшинских чтений. Владимир Лукич только что издал новую книгу стихов «Брат, здравствуй…» В гостинице, в шумной круговерти гостей праздника он вручил мне эту книгу, потом забрал и быстро написал посвящение:

Здравствуй, Брат
Сергей Боженко!
Богом данный человек!
Я, хотя не Евтушенко,
Но, пока наш длится век,
Рад тебя не только встретить
И по-дружески обнять,
Но при случае приветить,
Боль души твоей понять!
Потому еще и властвуй
От души и для души!
Ну, а прежде всего, здравствуй!
И кроши карандаши!

Казаков носил ленинские усы с рыжеватой бородкой и черный берет с якорьком. Поэтому на улице его легко узнавали. Однажды к Казакову подошел надоедливый графоман, фамилии которого никто не знал. Зато помнили кличку: не то Ворона, не то Щегол. Этот Щегол, обращаясь к Казакову, спросил:

— Вы случайно не поэт?

— Да, поэт, но не случайно, — ответил Владимир Лукич. — А как вы догадались?

— У вас лицо, как у любителя спиртного.

— У тебя такое же! — сообщил поэт Казаков.

На что тот Щегол с гордостью заявил:

— Да, я тоже поэт!!!

Тот Щегол так и не стал поэтом.

Надо сказать, Владимир Лукич весьма добросердечно относился к своим коллегам. Как-то открывалась выставка художника и поэта Александра Пака. Этот Пак свои рисунки в стиле Матисса сопровождал философскими трехстишиями в восточном стиле:

Каждую ночь,
Укладываясь спать,
Учусь умирать.

Восхитившись выставкой, поэт Казаков громко продекламировал:

— Пак без «как»!

Поэт Пак среагировал мгновенно:

— Казаков без оков!

Шло как-то собрание Алтайского Союза писателей. Обсуждалась опубликованная в «Алтайской правде» подлая статья под заголовком «Разбой в писательском доме». Обескураженный ситуацией поэт Казаков время от времени вставал и произносил единственное слово:

— Почему?!

Прошедший семь морей и три океана поэт Казаков не постигал глубины трещины на дне души своих бывших товарищей по творческому цеху.

Поэтому шустрый журналист Т. взял у Казакова интервью.

— Владимир Лукич, — спросил хозяин диктофона, — если кто-нибудь ударит вас по левой щеке, что вы сделаете?

— По христианскому учению? — уточнил поэт (он же старший матрос) Казаков. — Или на самом деле?

Однажды в субботу, в Доме писателей, после очередного поэтического семинара, я затеял рисовать портреты литераторов. Дошла очередь и до Казакова. Я сделал с него несколько набросков. И вдруг вместо обычно шумного и задиристого поэта Казакова я увидел старого, истерзанного болезнями человека. В его глазах было столько детской беззащитности! И почти девичьей робости. И я подумал: внешность обманчива…